

Из школы — на войну

ЕЛИЗАВЕТА СТУКАНОВА

Хотим выразить благодарность человеку, одному из простых рядовых, без которых не было бы Дня Великой Победы, моему прадеду, Николаю Степановичу Иванову, отправившемуся на войну в возрасте семнадцати лет, даже не закончив школу. В январе 1943 года, в переломный этап Великой Отечественной войны, прадед был

распределён во 2-й Украинский фронт. Почти полтора года он защищал Родину в составе 18-го корпуса 181-й танковой бригады сначала миномётчиком, впоследствии связистом. Николай Степанович принимал участие в Яско-Кишинёвской операции (в так называемом седьмом «Сталинском ударе»), во время которой происходили сражения за осво-

бождение Украины и Румынии. Его полк прошёл пешком всю территорию Украины, потому что транспорт разбомбили немцы. Прадед участвовал в наступлении на противника в Корсунь-Шевченковской операции, в 1944 году был ранен в колено на границе Венгрии и Румынии и отправлен санитарным поездом в Баку... Пулю из кости пытались извлечь на месте, однако это удалось сделать только в госпитале. Прадедушка награждён медалью «За отвагу».

Прадедушка женился на моей прабабушке Марии Алексеевне в 1949 году. Она была трактористом с 1943 по 1946 год, а впоследствии получила почётное звание труженика тыла.

В непростое послевоенное время прадедушке удалось получить среднетехническое образование, проработать более тридцати лет комendantом в дачном посёлке «Зелено-

вод», а потом — механиком в ЦНИИмаше. Николаю Степановичу идёт девяностый год. У него четверо внуков и шестеро правнуков, часть из них живёт в Королёве, как и он сам. Большая семья Николая Степановича его очень любит, желает ему как можно больше крепкого здоровья и поздравляет с праздником 70-летия Победы.

Моё 9 Мая

Воспоминания школьницы

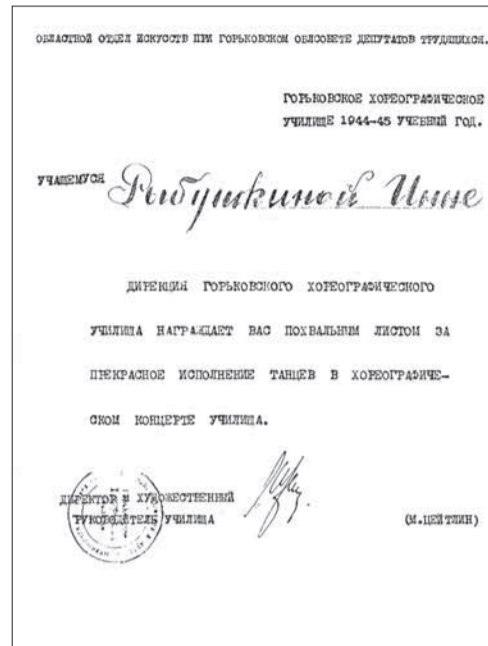
ИННА СОСУЛИНА (РЫБУШКИНА)

Описать нашу радость словами невозможно. Молодое поколение вряд ли поймёт нас. Это надо четыре года чувствовать голод — до рвоты, холод — до озноба, усталость — до обморока. Взрослые молча плакали. Мы, дети, прыгали от избытка чувств и кричали: «А-а-а!»

В 1945 году я жила в Горьком. Училась одновременно в двух учебных заведениях: в 6-м классе в школе №20 на Звездинке (сейчас её уже нет) и в 3-м классе в хореографическом училище при оперном театре им. А.С. Пушкина. Мне тогда было 14 лет.

Немного о хореографическом училище. Создали его эвакуированные из Ленинграда в Горький балетмейстер Марк Цейтлин, артисты балета и педагоги хореографического училища. Основная часть училища была эвакуирована в Пермь, а часть — в Горький.

Дом, где я жила, находился недалеко от оперного театра, на углу улиц Ошарской и Сестёр Невзоровых. В театр ходили часто. По воскресеньям на дневные спектакли детей пускали одних — цены на билеты были копеечные. Из объявления на входе в театр я и узнала об открытии балетной школы и приёме в неё на конкурсной основе. Это было в августе-сентябре 1943 года. Меня приняли, начались серьёзные занятия. Дисциплина была железная, без справки от врача — ни одного дня пропуска! Рабочие карточки на продовольствие обывывали. По ним одного хле-

ба выдавали 750–800 граммов, а ещё другие продукты, тогда как у других детей были карточки иждивенцев: 350 граммов хлеба в день.

Май 1945 года. Театр работал без выходных. Зал был битком набит зрителями. Много военных — командированных с фронта на наши заводы. А мы, учащиеся, готовили выпускной концерт и ежечасно ждали окончания войны.

И вот в ночь на 9 мая радио заговорило! Диктор Левитан кричал от радости: подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии! Мы все — и взрослые, и дети — ночью вышли на улицу. Город шумел. С дальних концов улиц слышны были крики: «Ура-а-а!»

Потом мама позвала нас с братом домой, доспать, а 9 мая она разбудила нас, как обычно, в 7 часов. Окончание войны

— огромная радость, но рабочий день никто не отменял. В 8 часов я была в классе училища. Педагог Кира Васильевна Калинина сказала, что сегодня занятий не будет. Было пасмурно, холодно, моросил дождик. В обычной школе тоже занятия отменили. После обеда из-за туч вдруг вышло солнышко, а по радио передали, что вечером будет салют! Все ждали вечера. К салютам в честь освобождения городов мы уже привыкли ещё с ноября 1943 года, а тут салют в честь Победы!

Вечером заранее пошли на площадь Минина, чтобы занять место. По Варварской (тогда Фигнер) сплошным потоком текла людская река. А на площади творилось нечто невообразимое: кто плакал, кто кричал, кто пел. Мальчишки шутили, боролись между собой, невзначай толкая и нас, и все смеялись...

Кончился салют, а расходиться не хотелось — День Победы! Потом мы с подругами обнялись и медленно пошли по домам.

Следующий день — 10 мая 1945 года — тоже был обычным, рабочим. До 1965 года 9 мая был рабочим днём. И только в 1965-м, юбилейном году этот день был объявлен выходным.

К сожалению, в 1949 году наше училище упразднили. Ленинградские артисты балета и педагоги в 1945 году вернулись в Ленинград. А наше училище защитить было никому...

Из фронтовых воспоминаний

Боеприпасы и хлеб — равнозначное оружие

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ, СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ИНТЕНДАНТСКОЙ СЛУЖБЫ В ОТСТАВКЕ

Я был начальником продовольственного снабжения 25-го отдельного автотранспортного батальона 2-й гвардейской армии в минувшей Второй мировой войне. Мои обязанности сформировали мою основополагающую идею: БОЕПРИПАСЫ И ХЛЕБ — РАВНОЗНАЧНОЕ ОРУЖИЕ в победе над врагом.

Допуская возможность на каком-то участке фронта в разгар боя очутиться без боеприпасов хотя бы на 5 минут, или к этому времени вследствие отсутствия или низкопробной пищи окажись люди изнурёнными от истощения, то сражение неминуемо будет проиграно.

Передовая фронта требовала огромного количества боеприпасов и продовольствия. Во фронтовой тыл непрерывно вывозились раненные. Шофёры нашего автобата были загружены до сверхпредела. Трудилось до невозможности, так как подменных водителей у нас не было. При подобном физическом и нервном перенапряжении людей надо было кормить, и кормить хорошо.

Автобату положено иметь одну полевую кухню. Я настоял на этом, и командование части согласилось. Уже под Сталинградом мы имели четыре такие кухни и... две дойные коровы, а затем, ближе к Пруссии, — четырёх — восьми дойных коров. Диетики и больные постоянно получали молоко. В пищеблоке был установлен строжайший распорядок: в любое время дня и ночи на кухнях имелось достаточное количество горячей пищи. И люди, постоянно прибывающие из рейса и снова убывающие или даже остающиеся некоторое время в части, тут же получали высококачественное питание, независимо от того, состоят ли они на данное время на довольствии.

У некоторых «знатоков» может возникнуть вопрос: а где же я брал продовольствие, превышающее нормы расхода? Отвечаю — надо меньше спать, а тем более «опрокидывать» бокалы, и больше рыскать на передовой — там всегда, и нередко в изобилии, можно найти бесхозные и безнадзорные продовольственные трофеи.

Но был и такой казус, где-то невдалеке от шауляйского «мешка». Инспектировавшему нашу часть члену Военного Совета армии гвардии полковнику Алек-

сандрову на первой же кухне мне пришлось предьявить раскладку меню, где значилось: первое — суп перловый с солёной рыбой, второе — каша перловая с солёной рыбой, то есть меню, основанное на продуктах, полученных из армейского склада. Заглянув же в котлы, полковник обнаружил: первое — борщ украинский с мясом, второе — картофельное пюре с мясом. Побагровев от гнева, он приказал: «Завтра же в штрафной!» Лихо взяв под козырёк, я ответил: «Есть завтра быть в штрафбате!» Но тут же пояснил, что шофёры очень переутомлены и, во избежание заболевания цингой, необходимо иметь в пище достаточное количество витаминов, а поэтому солёную рыбу и крупы я обменял у населения на мясо, капусту и картошку.

На прощание, несколько размягчившись, полковник отменил своё приказание, однако добавил, что вскоре снова проверит меня.

И что же? Проверять! Но... меню уже точно соответствовало нормам «де-юре»...

Вот один из моих методов изыскания дополнительного продовольствия. Погрузив на автомашины — один ЗИС-3 и два студебекера — по 3,5 тонны артиллерийских снарядов и кратко про-

инструктировав шофёров, я, в качестве начальника колонны, на головной машине ЗИС-3 в безлунную ночь при полной светомаскировке отправился в 180-километровый рейс с пунктом назначения — артиллерийские батареи у железнодорожной станции Абгонерово под Сталинградом. Над дорогой почти непрерывно слышал надрывный рёв немецких самолётов, а то в небе вдруг повисал ослепительный яркости фонарь. Тогда, рассредоточившись, мы останавливали машины. Мой шофёр Лёнька, оперевшись на руль, мгновенно засыпал. Он не спал уже третьи сутки... Минут через десять, только после крепкой встряски, удалось его разбудить. Я сую Лёньке в рот огромную самокрутку из махорки. Машина трогается, мы ползём дальше. Однако и табачный дым не даёт нужной бодрости — шофёр упорно дремлет...

Не доезжая километра полтора до станции Абгонерово, на спуске с небольшой возвышенности — там, где под углом 90 градусов дорога сворачивает влево, шофёр проехал прямо, и через 4–5 метров мы... грохнулись в противотанковый ров. По счастью, машина очутилась «на своих ногах», но борта раскололись, соскочив с

петель. Ящики со снарядами рассыпались вокруг машины, половина из них были разломаны, а снаряды рассыпаны по рву. Кабина значительно приплюснулась вперёд, дверки распахнулись, мотор вышел из строя. Лёнька получил значительный ушиб грудной клетки и ссадину на лице. Я оказался невредимым.

Шофёры на двух других машинах, следовавших за нами, в темноте не заметили нас. Сдав боеприпасы на артиллерийские батареи, на рассвете они прибыли нам на выручку. К этому времени мы успели уже погрузить на искорёженный ЗИС все снаряды, надёжно скрепив борта колючей проволокой, в изобилии валявшейся тут же, и раскопать лопатой выезд изо рва.

Подцепив трос к нашему «инвалиду», студебекер легко вытащил его на лебёдке, а затем отбуксировал на артбатарею для разгрузки боеприпасов.

Порыскав у прифронтовой полосы, и в этот неудачный рейс мне всё же удалось загрузить машину трофейным продовольствием и к вечеру прибыть в воинскую часть.

Приятно, даже лестно, отметить патриотизм личного состава нашей воинской части. Он был настолько велик, что за всю войну у нас не было ни одного случая отставания от части или без вести пропавших военнослужащих.